

ЖИЗНЬ ВЪ ТЕРИБЕРКЕ

Штормъ ревелъ. По небу, вчера столь мирному, неслись тяжелыя, свинцовыя тучи. Временами, какъ сквозь сито, сыпалъ мелкими каплями холодный дождь, совершенно скрывая отъ меня противоположный берегъ залива. Высокія крутыя волны съ пенящимися гребешками разбивались почти у самыхъ моихъ оконъ. Все какъ будто вымерло, и только чайки со своимъ ноющимъ крикомъ носились въ воздухе. Сплошной полосой kloкочущихъ буруновъ обозначалась «егра».

На берегу я встретилъ Всеволода Феликсовича.

— Где вы были? — спросилъ я.

— Ходилъ смотреть, какъ стоитъ «Поморъ» и наши боты. Ну и нордъ-ость! Возле ботовъ стояла на якоре большая ела факториста; вонъ она теперь на берегу лежитъ... Сорвало съ якоря и выбросило, какъ щепку! Далеко ли стоитъ «Поморъ», а попасть на него теперь почти невозможно. Я пробовалъ кричать, но за ревомъ шторма ничего не слышно!

— Что же мы сегодня делать будемъ?

— Работы много! Вы разве забыли о рыбе? Мы вамъ вчера изрядно наловили. Вонъ она сложена въ ящикахъ!

После завтрака я принялся за работу. Каждую рыбу я измерялъ, вскрывалъ, определялъ, что у нея въ желудке, чтобы выяснить, чемъ питается та или иная порода рыбъ, и собиралъ въ баночки паразитовъ, которые иногда массаами

встречались въ кишкахъ, печени и другихъ органахъ. При этомъ обнаруживались любопытные факты: сначала на крючекъ яруса попалась небольшая треска, которую потомъ проглотила другая треска, более крупная; вскрывая одного палтуса, я нашель у него въ желудке довольно крупную треску, у которой въ свою очередь въ желудке была треска более мелкая съ крючкомъ и кускомъ форшня отъ яруса.

После обеда я взобрался на скалу за Лодейной губой, обращенную въ открытый океанъ, чтобы полюбоваться картиной шторма. Стоять было невозможно: сильный ветеръ прямо сваливалъ съ ногъ. Громадныя океаническія волны съ остервененіемъ неслись на берегъ и здесь разбивались съ страшнымъ шумомъ, вздымая громадныя столбы пены. Среди воя ветра и рокота моря временами слышались, какъ пушечныя выстрелы, удары волнь о прибрежныя скалы. Несмотря на то, что я находился на высоте саженой въ 20 надъ водой, меня все время обдавали брызги соленой пены. Какъ ни величественна была картина, но скоро мне пришлось уйти домой. Пронизывающій холодный ветеръ забирался черезъ воротникъ и рукава, и, несмотря на теплую куртку, я скоро продрогъ и началъ мечтать о теплой комнате и о самоваре.

Сидя за чаемъ, я рассказывалъ Всеволоду Феликсовичу о своихъ впечатленіяхъ во время плаванія съ Григоріемъ на его шняке. Я удивлялся тому, что такой толковый человекъ, какъ Григорій, не понимаетъ всехъ преимуществъ более усовершенствованныхъ судовъ...

— Онъ понимаетъ, — говорилъ Всеволодъ Феликсовичъ, — но веками ведь закреплялась привычка къ шняке. Поморъ всю свою жизнь приспособилъ къ ней, и бросить теперь шняку онъ сразу, конечно, не можетъ. Если бы вы знали, какъ трудно было найти рыбаковъ на одинъ изъ ботовъ! Хорошее судно, совершенно безопасное для прибрежнаго плаванія, а они боялись, искренно боялись выходить на немъ въ море! Когда набранные наконецъ для работы на боте колонисты впервые отправлялись на ловъ, то съ ними при выезде изъ Териберки прощались, какъ съ людьми, идущими чуть не на верную гибель! И это те самые поморы, которые, не задумываясь, уходять на шняке въ открытый океанъ за десятки верстъ отъ береговъ!

На следующій день штормъ утихъ. Вскоре Всеволодъ Феликсовичъ ушелъ на «Поморе» въ плаваніе, а я остался одинъ въ Териберке.

Промысель на ботахъ носилъ въ общемъ тотъ же характеръ, что и на шняке. Также ловили наживку, такъ же приготавливали ярусъ и потомъ метали его. Инымъ было плаваніе.

Каждый боть представлялъ собою лодку около 4 сажений въ длину. Въ носовой и кормовой части были устроены металлическіе герметически закупоренные ящики съ воздухомъ, делавшіе судно нетонущимъ. Въ носовой части была каютка, въ которой могли поместиться и укрыться отъ непогоды 4 человека. Весь боть былъ покрытъ палубой; средняя часть последней могла сниматься, что и делалось, напримеръ, при выборке яруса. Наибольшую особенность

ботовъ представляли паруса: на двухъ невысокихъ мачтахъ укреплялись 2 косыхъ паруса, а на носу кроме того былъ еще трехугольный кливеръ.

Поморы, конечно, видели и понимали, какое громадное преимущество бота заключается въ его быстроходности и легкомъ ходе подъ парусами. Мы гораздо скорее приходили къ месту лова и скорее возвращались домой, причемъ команда не переутомлялась, такъ какъ къ весламъ приходилось прибегать только при полномъ штиле. Въ непогоду мы тоже находились въ лучшихъ условіяхъ, такъ какъ могли укрыться въ каютке и отъ дождя и отъ холода; мы устроили въ ней даже маленькую чугунную печку.

Такъ прожилъ я въ Териберке около трехъ недель. Ни газетъ, ни писемъ не виделъ я за это время. Я целикомъ погрузился въ интересы промысла и даже редко вспоминалъ, что где-то тамъ кипитъ иная жизнь, и существуютъ иные интересы. Удачный ярусный ловъ радовалъ меня, вероятно, немногимъ меньше, чемъ радовалъ онъ промышленниковъ поморовъ. Вытягивая неводъ съ командой ботовъ, я съ нетерпениемъ ожидалъ увидеть, достаточное-ли количество наживки принесъ онъ. Вращаясь исключительно среди промышленниковъ, я привыкъ къ ихъ говору, и речь моя пестрела теперь массой терминовъ, обычныхъ только на Мурмане. Даже наружность моя изменилась; лицо обветрилось и загорело, волосы отросли, а руки покрылись мозолями и загрибели не хуже, чемъ у Сеньки или Андрея. Я научился грести и управлять парусами и уже не боялся промокнуть насквозь; я умелъ глушить крючки, наживлять ярусъ и т. д.

Нашъ промысловый боть.

Однажды я собирался въ море на одномъ изъ ботовъ. Почти все уже было готово... Вдругъ совершенно неожиданно изъ-за скаль, отделяющихъ Лодейную губу отъ Териберскаго залива, показался беленькій и чистенькій «Андрей Первозванный»... Я мигомъ прыгнуль въ карбась и, не успели еще на «Андрее» отдать якорь, какъ я уже карабкался по спущенному мне штормъ-трапу. Съ какой радостью пожималъ я всемъ руки! Мне казалось, что я вернулся въ родную семью после долгой, долгой разлуки. А Маркъ Николаевичъ уже протягивалъ мне целую пачку писемъ.

— А вы знаете? — сказалъ Маркъ Николаевичъ, — я вамъ на смену!

Какой полной комфорта показалась мне жизнь на пароходе! Но мне все-же немного жалко было разставаться съ простотой моей Териберской жизни: она дала мне много живыхъ и сильныхъ впечатлений и многому меня научила.

Я сообщилъ Николаю Михайловичу о своихъ работахъ. Отъ него я узналъ о работахъ парохода, о техъ наблюденіяхъ, которыя удалось имъ сделать и т. д.

Завтра въ Териберку придетъ «Поморъ», — сказалъ Николай Михайловичъ — Вместо васъ здесь останется Маркъ Николаевичъ, а вы пойдете на «Поморе» вдоль Мурмана съ темъ, чтобы производить опыты лова вдали отъ береговъ, куда боты выходить не могутъ!